

МАРКСИЗМ МЕЖДУ НАУКОЙ, ИДЕОЛОГИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ

© 1994 Майминас Е.З.

(Москва)

Предлагаемые вниманию читателя заметки были вчерне написаны в 1986 г. и связаны с размышлениями о судьбах экономической теории Маркса. Во-первых, это, пожалуй, наиболее яркий и цельный пример взаимовлияний в треугольнике "наука – идеология – политика". Во-вторых, для любого отечественного экономиста старшего поколения речь идет по меньшей мере о жизненной среде его становления и многих лет деятельности.

Каков треугольник. Наука занимается получением и систематизацией знаний о мире. Единственная ее ценность – познание со своим результатом – истиной. В этом строгом собственном смысле слова любая наука, в том числе и общественная (если и поскольку она наука), беспартийна, внеклассова.

Однако в марксизме возобладала принципиально иная точка зрения, согласно которой общественная наука есть продукт и идеологическое орудие классовой борьбы. Правда, Ф. Энгельс в письме к П. Лафаргу (в августе 1884 г.) писал: «Маркс стал бы протестовать против "политического и социального идеала", который Вы ему приписываете. Коль скоро речь идет о "человеке науки", экономической науки, то у него не должно быть идеала, он вырабатывает научные результаты, а когда он к тому же еще и партийный человек, то он борется за то, чтобы эти результаты были применены на практике. Человек, имеющий идеал, не может быть человеком науки, ибо он исходит из предвзятого мнения» [1, т 36, с. 170]. Это письмо долго оставалось неизвестным: оно было опубликовано лишь в 50-х годах нашего века во Франции, а на русском языке напечатано впервые в 1962 г. [2, с. 10–15].

Во всяком случае в марксизме утвердилась точка зрения о партийности общественных наук. Цитатничество (вместо анализа реального объекта) – одна из худших традиций любых, в том числе марксистских начетчиков. Но здесь без многочисленных цитат не обойтись, ибо они сами – предмет анализа. Приведем известные слова В.И. Ленина (1909 г.) о том, что "ни единому профессору политической экономии*", способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя – такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии – ученые приказчики теологов" [3, т. 18, с. 363–364]. Как мы увидим, эта позиция стала не подлежащей обсуждению аксиомой, воспроизведенной и в новейшем "Советском энциклопедическом словаре" (1986, 1990 гг.): "Наука связана с философией, идеологией и политикой, что предопределяет партийность общественных наук и важную мировоззренческую роль естественных наук" [4, с. 866, см. также издание 1990 г., с. 877–878].

* Напомним, что в то время среди них не было марксистов, тем более ленинцев.

Предопределяет ли эта связь партийность самих общественных наук и прежде всего их теоретических основ или, как писал Энгельс, она обуславливает партийность применения научных результатов на практике? Всегда ли верны оба утверждения? Каковы следствия каждой из указанных позиций?

В отличие от "бесстрастной" науки идеология в своей системе взглядов выражает отношение людей к действительности, включая ее осознанную оценку. В основе оценки могут лежать в той или иной комбинации и научные результаты познания этой действительности, и убеждения, и нормы веры, по-своему отражающие реальный мир, и бессознательно либо сознательно фальсифицированные представления. Здесь на первый план выступают определенные системы ценностей – социальных, политических, нравственных и т.п. В свою очередь они выражают культуру данного социума и многообразные интересы социальных групп, зависящих от их положения и взаимоотношений в обществе. Соответственно у разных социальных групп могут быть отличающиеся или даже противоположные ценностные ориентации и идеологические установки. Но пока данное общество функционирует "нормально", в нем есть и господствующая, цементирующая его идеология. Эта идеология лежит не только в русле интересов господствующих классов и социальных групп, но по-своему кристаллизирует общие представления и устремления данного социума. Огромную роль играет культурно-этническая преемственность сложившегося социально-экономического генотипа [5]. В таком сложном, многослойном переплетении групповых и общих интересов, научных и нормативных представлений, культурных традиций и новаторских, неконформистских взглядов идеология усваивается людьми в процессе социализации личности.

Взаимоотношения идеологии и науки неоднозначны и весьма изменчивы в историческом времени. Как показал П. Сорокин, на первый план выступала то истина веры, то истина разума (дедуктивно-рационалистического мышления), то истина факта [6]. В первом случае идеологии и идеологические институты монополизировали науку и интерпретацию ее результатов либо ставили их под свой контроль и цензуру. Во втором преобладало стремление разделить сферы влияния науки и идеологии. В третьем сформировалось бэконовское (читай – современное) понимание науки, базирующейся на повторяемом опыте, измерении и расчете и последующем обобщении.

Поэтому общественные науки, особенно в англо-американской традиции, чаще всего относят к разряду "искусств" (arts), а не "наук" (sciences), поскольку "в первых (в противоположность науке) воображение и личные склонности более важны, чем точное измерение и расчет" [7, с. 31]. Это тонкое отличие в строгости подходов служило основой причисления и экономики к сонму искусств. Лишь в последние десятилетия (не без помощи эконометрии и математической экономики) она преуспела в достижении статуса науки. В частности, с 1969 г. присуждаются Нобелевские премии по экономике.

Однако один из Нобелевских же лауреатов-экономистов Ф. фон Хайек подчеркивал и ограниченные возможности знания вообще, и принципиальное различие социальных и естественных наук [8, с. 23–34]. Действительно, если говорить об экономической науке, то ее объект имеет существенные особенности. Прежде всего к ним относятся:

сложность объекта, в котором взаимодействуют технологические, социальные и институциональные структуры, причем это, по словам У. Уивера [8, с. 26], "организованная сложность" в отличие от природной неорганизованности;

изменчивость объекта, что затрудняет анализ повторяемости явлений и протекающих в нем процессов;

высокая степень неопределенности этих процессов и их одновременность, неоднозначность последствий;

в известном смысле "уникальность" каждой экономической системы (не только мировой), что затрудняет ее сравнение с другими в поисках аналогий;

латентность, ненаблюдаемость многих процессов, о которых можно судить лишь по косвенным, недостаточно четким и плохо измеримым явлениям;

трудность и ограниченность "чистого" эксперимента; правда, некоторые возможности теперь предоставляют "модельный эксперимент" и имитация.

Все эти существенные объективные особенности и трудности экономической науки вполне реальны. Тем не менее, как показывает история экономической мысли, в принципе она способна шаг за шагом продвигаться по пути познания экономики, ее закономерностей, увеличивать свою объяснительную и прогностическую силу.

Но есть и другая, скажем, "субъективная" сторона проблемы, хотя и она объективно обусловлена. Это "включенность" исследователя. Экономисты не живут в башне из слоновой кости. Конечно, и специалисты естественных наук не отделены стенами кабинетов и лабораторий от жизни общества. Все они граждане, члены социума, и ничто человеческое им не чуждо. Социальные (в том числе групповые) интересы и культурно-ценностные установки сказываются и на научных приоритетах и особенно на прикладных исследованиях. Вспомним идеологическую остроту экономической проблемы строения Солнечной системы, биологической – кровообращения в средние века; уже в наше время нравственные нормы побудили многих физиков и биологов отказаться от военных аспектов и приложений их научных результатов. В иных случаях побудительным стимулом познания могут быть корысть, слава, власть. Однако в самом поиске истины представители точных и естественных наук, как правило, вне политики и вне политической идеологии (кроме общих для данной эпохи и данной культуры нравственных и идеологических основ).

Другое дело обществоведы и в особенности экономисты. Предмет их исследования лежит на скрещении самых жизненных материальных и духовных интересов социальных групп, в фокусе их экономических, идеологических и политических противоречий. Казалось бы, о какой объективной истине здесь может идти речь?

Обычный ответ марксистов-ленинцев гласит, что она достижима в той мере, в какой интересы представляемого данным экономистом класса или другой социальной (как видим, для них классовый подход обязателен и первичен!) группы совпадают с поступательным ходом общественно-экономического прогресса, прежде всего с объективными потребностями развития общественного производства, производительных сил. Соответственно, дескать, базирующиеся на такой науке идеология и политика также сугубо научны. Напротив, экономисты отживающих классов, чьи интересы вступают в противоречие с социальным прогрессом и находятся под угрозой революционных сил, способны только на вульгарную апологетику, ничего общего с подлинной наукой не имеющую; в лучшем случае от них следует ожидать специальных частных, но никак не общетеоретических результатов*.

Так ли универсальна подобная позиция в общественной науке, если сегодня признается примат общечеловеческих ценностей и начал над классовыми в мировых взаимоотношениях, альтернатива которым – всеобщая ядерная гибель. Но даже оставаясь в рамках классового подхода, не следует ли считать, что стоящие у власти общественные группы в интересах сохранения своего господства кровно озабочены познанием реальных процессов, научным обоснованием своей политики?

Конечно, политика как курс и программа действий государства, крупных социальных организаций (типа партий) и массовых движений реализует некую идеологию. Преломляясь через идеологическую призму, приходят в политику и результаты науки. Аргументируя свою мысль, что именно идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – правят миром, Дж.М. Кейнс писал: "Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего

* Охарактеризованная позиция, к сожалению, была исходной и в моей давней первой книге "Teoγijos i tikove" (1960) [9, с. 3–5], что априорно предопределило последующее изложение, поместив его в прокрустово ложе этой идеологизированной схемы.

несколько лет назад. Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей" [10, с. 458].

В свою очередь, политика воздействует на экономическую науку, требуя от нее не только оправдания уже принятого курса и программы – этот партийно-государственный апологетический заказ часто понимается как "политизация науки". Последняя может выражаться и в прямом привлечении ученых к разработке политики. Ничего плохого в такой связи с жизнью для экономической науки нет, если она не сопровождается искажением или оскотлением научных рекомендаций либо тотальной мобилизацией науки на потребу дня для решения сиюминутных проблем в ущерб фундаментальным исследованиям.

Итак, сложные взаимоотношения экономической науки с идеологией и политикой отнюдь не исчерпываются ее "классовостью", "партийностью" – что бы под ними ни понималось. Экономическая наука всегда выполняла три взаимосвязанных функции: объяснительную, мировоззренческую и рекомендательную. Если наука функционирует нормально, то исходным является познание объективной истины, т.е. объяснение действительности. Далее формируются общие и частные представления об экономических процессах, экономические идеи. На этой основе вырабатываются рекомендации по экономическому поведению и экономической политике. Всем этим всегда пользовались и пользуются, естественно, в своих целях политики и идеологи – было бы наивно не видеть такого заимствования и почти неизбежных искажений в ходе политической или идеологической утилизации результатов науки. Ни ее греха, ни смертельной угрозы здесь нет. Правда, престижу науки наносят ущерб попытки политиков и идеологов прикрыть ее именем любые свои высказывания и действия*. Worse, когда сами ученые, выступая в роли политиков или идеологов, участвуют в оскотлении или подправке научных тезисов и рекомендаций; это ломает их, сказывается на личном престиже и рикошетом бьет по науке.

Но окончательно губит ее иной, ненормальный порядок реализации наукой своих функций: тогда, отталкиваясь от идеологических догм и стереотипов или впрямую от прагматических интересов какой-либо социальной группы, она предлагает оторванные от жизни рекомендации, а затем к этим догмам и предписаниям подбирает подтверждающие их факты или просто фальсифицирует их.

Между указанными полюсами, в той или иной комбинации содержания своих функций, усилиями ученых в разных странах в различные периоды, склоняясь то к одному, то к другому полюсу, движется экономическая наука.

От научной теории к идеологическому учению. Импульсом к созданию своей экономической теории для К. Маркса послужило исследование проблемы отчуждения человека, его отношений с обществом**. Начатое в философских спорах вокруг Гегеля и продолженное в потоке социалистических идей, оно вскоре повернулось к экономике. Уже в 1844 г. Маркс положил в основу этой проблемы отчуждение труда, которое связал с отношениями собственности [12, с. 559–572]. Отсюда возникли и его интерес к ведущей экономической концепции того времени – теории трудовой стоимости Смита – Рикардо, и самостоятельная линия ее развития в теорию прибавочной стоимости, и социалистические выводы из анализа капитализма.

Исследования Маркса развивались в главном русле тогдашней экономической науки. Он основательно изучил даже мало-мальски заметные труды своих предшественников и старших современников и определился таким образом в "системе координат" мировой науки.

Тем удивительнее одно принципиально важное исключение в критическом анализе

* Я испытал это, когда под флагом программно-целевого планирования, но вопреки всяким, в том числе и нашим, научным рекомендациям ведомства растаскивали по своим квази-"программам" огромные средства и крайне неэффективно, некомплексно их использовали. Именно к этому и свелась поддержка Госпланом подобных новаций, выхолащенных до пустого модного лозунга.

** Интересный аналитический обзор этих исследований дал А. Шафф [11].

мировой теоретико-экономической литературы у самого Маркса. В нем не нашлось места для серьезного разбора работ А.О. Курно, Г. Госсена, С. Джевонса, австрийской школы предельной полезности, "Элементов чистой политической экономии" Л. Вальраса, в которых изложены основы общей теории равновесия и теории предельной полезности. И у Энгельса нет развернутой оценки "Принципов экономической теории" А. Маршалла (опубл. в 1890 г.), а о теории Джевонса – Менгера сказано вскользь, на одной странице в Предисловии к третьему тому "Капитала" [1, т. 25, ч. 1, с. 13], да еще несколько кратких замечаний в письмах к разным адресатам. А ведь все это направление становилось ведущим в немарксистской политической экономии в последней четверти XIX в. и в лице австрийской школы открыто противопоставило себя марксизму*.

Почему оно осталось практически незамеченным Марксом и его последователями (вплоть до конца столетия)? На этот счет выскажу свои предположения. К. Маркс, по свидетельству Ф. Энгельса, завершил критику политической экономии и сформировал собственную экономическую теорию "не только в основных чертах, но и в важнейших подробностях" к концу 1850-х годов, причем "свои экономические занятия Маркс начал в 1843 г. в Париже изучением великих англичан и французов; из немцев он знал только Рау и Листа, и этого ему было достаточно" [1, т. 24, с. 11]. (Было ли этого достаточно, если за бортом оказались немцы – предшественник К. Маркса И. Родбертус и создатель теории предельной полезности Г. Госсен?). В последующие годы при ухудшившемся здоровье Маркс в основном был занят подготовкой текстов "Капитала" и изучением конкретных экономических фактов (земельных отношений в США и особенно в России, денежного рынка и банков и т.п.), а также естественных наук (см. [1, т. 24, с. 4–8]). Это, так сказать, биографическая сторона дела.

Но главное – та общая классово-историческая оценка, которую дал Маркс буржуазной политической экономии после 1830-х–1840-х годов: "Буржуазия во Франции и Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступило место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой" [1, т. 23, с. 17].

Именно этот безапелляционный приговор обрек и самого Маркса, и последующие поколения марксистов на априорное и огульное отрицание научного содержания в теоретических трудах так называемых "вульгарных экономистов" с середины XIX в. (Как мы видели, этой позиции безоговорочно придерживался и Ленин.) Речь шла собственно о непроходимой идеологической границе, которую марксизм проложил между собой и почти всеми остальными экономистами-теоретиками**.

Теперь речь могла идти не о выявлении в них объективной истины, методов анализа действительности, способов и путей научной аргументации, а лишь о формах апологетики, которую требовалось разоблачить, разгромить, пригвоздить к позорному столбу. Тем самым идеологическая граница превращалась в научную китайскую стену.

Такой "отбойный" характер носила, например, реплика Ф. Энгельса в письме Н. Даниельсону (1888 г.) о теории Джевонса: "Самой модной теорией считается здесь (в Англии – Е.М.) теория Стенли Джевонса, согласно которой стоимость определяется

* У меня именно с этого недоумения началось критическое отношение к экономической теории марксизма. Вторым импульсом было сомнение во "всеобщем законе капиталистического накопления" и обвинении пролетариата. Уже в начале 1970-х годов в МГУ мне был публично задан грозный и весьма характерный вопрос: "А исповедуете ли Вы марксизм?"

** За редким исключением "непоследовательных", "ошибающихся", но способных признать свои ошибки "мелкобуржуазных" ученых из крестьянского и национально-освободительного лагеря.

полезностью, т.е. меновая стоимость = потребительной стоимости, а с другой стороны, пределом предложения (т.е. издержек производства), что есть просто запутанный и окольный способ сказать, что стоимость определяется спросом и предложением. Вульгарная политическая экономия везде и всюду!" [1, т. 37, с. 7]. По пути отрицания и примитивизации инакомыслящих шли и видные немецкие марксисты К. Шмидт и Р. Гильфердинг, посвятившие, наконец, специальные работы критике теории предельной полезности. Позже их повторил Н.И. Бухарин "Политической экономией рантье".

В итоге марксисты изначально не рассмотрели в рамках своей теории важнейшие проблемы полезности, потребностей и их удовлетворения, спроса и предложения, рынка и ценообразования, а за ними – и ряд других, которые ставили "вульгарные экономисты". Так, в упомянутой книге Н.И. Бухарина как эклектическая и классово-враждебная с порога отмечена интересная попытка М.И. Туган-Барановского синтезировать теорию трудовой стоимости и теорию предельной полезности в исходном соотношении стоимости и ценности благ (см. [13, с. 176–185] и ср. [14, гл. III]). Так началась самоизоляция марксизма от общего течения мировой экономической науки как результат исключительно классового подхода к ней.

Дальнейшие шаги в этом же направлении были связаны с партийно-политической борьбой за монополию марксизма в рабочем движении, за признание его единственно верной пролетарской научной теорией. Здесь выстраивалась и следующая цепочка рассуждений: пролетариат – самый передовой революционный класс, и последовательно выражающая его интересы марксистская теория не может не быть до конца научной, поскольку конечная цель пролетариата – не увековечение завоеванного классового господства, а уничтожение классов. Руководствуясь этой логикой, К. Маркс, Ф. Энгельс и их последователи вели острую, непримиримую полемику с бланкистами и прудонистами, лассальянцами и бакунинцами, фабианцами, дюрингианцами, а затем с целой вереницей оппортунистов и других "отступников от рабочего дела", протаскивающих, как доказывали их марксистские оппоненты, разные варианты "мелкобуржуазного социализма" [15]. И опять-таки цель была одна – расчистить поле для "научного социализма", представленного теорией Маркса. Отсюда неизбежно следовала сакрализация этой теории, превращение ее в "учение".

Идеологическая ангажированность ученых и тем более их связь с живой политикой в той или иной степени и форме сопровождали во все времена экономическую мысль. Среди них: учитель Александра Македонского Аристотель, один из директоров Ост-Индской компании Т. Мэн, министры А. Тюрго, Е. Бем-Баверк, М.И. Туган-Барановский, Й. Шумпетер, член парламента Д. Рикардо, политики и советники политиков Дж. Кейнс, Я. Тинберген, Дж. Гэлбрэйт, М. Фридман, В. Леонтьев. Этот список можно продолжить, в том числе и по нашей, отечественной линии.

Но если исключить Фому Аквинского с его католической "Суммой против язычников", до Маркса классово-партийная, идеологическая направленность научных изысканий никогда не подчеркивалась столь страстно и открыто. К. Маркс, по его словам, готовил "Капитал" – сочинение, которому "принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью" [1, т. 31, с.454] – как "бесспорно самый страшный снаряд, который когда-нибудь был пущен в голову буржуа (в том числе и земельных собственников)" [1, т. 31, с. 453]. Он считал, что наносит "буржуазии в области теории такой удар, от которого она никогда не оправится" [1, т. 31, с. 354]. "Во всяком случае, – повторяя тот же лейтмотив и ссылаясь на годами мучившую его болезнь, писал Маркс Энгельсу, – я надеюсь, что буржуазия, пока она существует, будет помнить о моих карбункулах" [1, т. 31, с. 259].

Маркс гордился политической применимостью своих теоретических результатов в классовой борьбе пролетариата. Как "человека науки" его очень интересовали отзывы и критика этих результатов, с какой бы стороны она ни исходила, о чем свидетельствует переписка 1860–1870-х годов. Как "партийный человек идеологии" он был более нетерпим: идейная победа марксизма важна в политической борьбе за массы.

Грань между наукой и идеологией была весьма хрупкой. Вскоре после выхода "Капитала" I Интернационал официально объявил его "Библией рабочего класса" [см. 16, с. 4], выразив не только признание идеологической роли марксизма, но и почти религиозное отношение к нему. Пали научные критерии оценки, поколеблен на словах признаваемый самим Марксом научный принцип "подвергай все сомнению". Ведь Библия вне критики ее последователей. Еще при жизни Маркса и Энгельса начала формироваться группа хранителей и толкователей марксистских текстов – с неизбежным внутренним соперничеством, сектантской нетерпимостью к инакомыслию, гонениями на ревизионистов-отступников. Появились "попы марксистского прихода", проповедники "истинного вероучения"*. Были изданы и первые катехизисы, выпрямляющие и упрощающие марксистскую теорию.

Забеспокоились и сами отцы-основатели, правда, в частных письмах, а не в печати. По поводу французских марксистов – своих зятьев Ш. Лонге и П. Лафарга – Маркс как-то в сердцах сказал: "Я знаю только одно, что я не марксист" [1, т. 37, с. 370]. Энгельс, призывая изучать теорию Маркса "по первоисточникам, а не из вторых рук", признавал, что «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует... В этом я могу упрекнуть многих из новых "марксистов"; ведь благодаря этому также возникала удивительная путаница» [1, т. 37, с. 396]. И, действительно, не парадокс ли, что экономическая теория Маркса, отталкиваясь от проблемы человека, в интерпретациях ее последователей по сути предала забвению свой исходный пункт, свелась к обескровленным "производительным силам" и "производственным отношениям", утратила интерес к многообразию человеческих потребностей и взаимодействию политических, социальных, психологических факторов, традициям, воле и действиям живых людей. (Недаром Энгельс в противовес этому указал на "18 брюмера Луи Бонапарта" как на пример прикладного марксистского анализа.)

Я касаюсь лишь одной стороны научного процесса – соотношения науки и идеологии – и далек от мысли одним цветом изображать развитие марксизма и его экономической теории после Маркса и Энгельса. Созданная ими теоретическая база, особенно для анализа тогдашней капиталистической экономики, питала ряд поколений марксистов, влияла и на другие течения мировой экономической и шире – социальной мысли.

Так, большой интерес не только среди марксистов вызвало масштабное исследование Р. Гильфердинга "Финансовый капитал", в котором обобщались новые явления в развитии капитализма, определяющие переход к его новой стадии. Этими же проблемами занимался и К. Каутский – признанный хранитель марксова теоретического наследия и верховный судья его чистоты в германской социал-демократии. Помимо "Экономического учения Маркса", все еще остающегося лучшим популярным изложением "Капитала", он написал ряд оригинальных трудов. Широко известен его "Аграрный вопрос", в котором тезис о концентрации производства служил обоснованием бесперспективности крестьянского хозяйства, что, в свою очередь, оправдывало невнимание подавляющей части европейских марксистов к крестьянству. Но нетерпимость к инакомыслию давала себя знать. Стоило Р. Люксембург сломать традицию, как критике за "отступления" была подвергнута наиболее творческая ее работа "Накопление капитала", где она вышла за рамки марксовой схемы, включив в рассмотрение некапиталистические элементы хозяйства. (Я уже не говорю о разгромной критике бернштейнианского ревизионизма.)

Все же марксизм вместе с западной и российской социал-демократией прошел сложный эволюционный путь в нашем столетии. Это не могло не сказаться на его взаимодействиях с другими течениями экономической мысли.

Развитие капитализма уже в конце XIX – начале XX вв. все более существенно

* Уже в 1918 г. Ф. Меринг писал о "марксистском поповстве", противостоящем "еретическим высказываниям" [17, с. 551–554].

отклонялось от того образа, который был представлен в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. В передовых странах Запада, на которые марксисты возлагали свои главные революционные надежды, по сути не действовал "всеобщий закон капиталистического накопления". А ведь именно он через абсолютное и относительное обнищание пролетариата должен был привести к революционной экспроприации экспроприаторов. К тому же вопреки теории промышленный пролетариат в XIX в. нигде (быть может, кроме Англии) не составлял большинства населения. А в XX в. среди лиц наемного труда все заметнее становились не "синие", а "белые воротнички". В итоге размывалась непосредственная научная (и социальная) основа революционной идеологии марксизма и его политической программы.

Ортодоксы-марксисты пытались сохранить лицо учения, либо попросту отрицая реальность, либо уснащая свои объяснения "эпициклами" наподобие тех, к каким прибегали сторонники геоцентрической модели Солнечной системы, когда уточненные данные о движении планет разошлись с птолемеевой схемой. Напротив, ревизионисты-марксисты в разной степени пытались видоизменить само учение, отказываясь от одних его фрагментов и приспособлявая к реальности другие. Во всяком случае они не отвергали с порога путь научного познания действительности и возможные каналы научных связей с немарксистскими теориями, также стремившимися дать ей свое объяснение. Тем более это касалось анализа нарождавшейся новой экономической системы в СССР.

Именно в таких контактах и дискуссиях развивалось, например, исследование проблем планирования и хозяйственного расчета в централизованно-управляемой социалистической экономике. (Э. Бароне, О. Ланге, Ф. Тейлор, в известной степени А. Лернер – контраргументация Б. Бруцкуса, Л. фон Мизеса и Ф. фон Хайека). Изучение марксовых работ влияло на исследования Дж. Робинсон, пытавшейся очистить у Маркса "зерна науки от идеологической мякины", и других "левых кейнсианцев", ряда итальянских и японских экономистов. Так или иначе заметная и многообразная ветвь марксизма на Западе вновь влилась (особенно, с 1920-х–1930-х годов) в мировой научный процесс (см., например, соответствующие тематические статьи и персоналии в [18]). Она дала и новые гибридные побеги в виде многих современных социалистических и социал-демократических концепций, радикальной политической экономики и др. Теперь к этой ветви, вероятно, будет обращен интерес бывших советских марксистов, ищущих возможности обновления своих доктринальных представлений.

Российская ветвь. По-иному сложились исторические судьбы марксизма и его экономической теории в России, а затем в СССР, Китае, ряде восточно-европейских и других стран "социалистического лагеря".

Пожалуй, нигде марксизм (и конкретно "Капитал") не был так быстро и широко воспринят, как в России*. Мыслящую часть общества с начала XIX в. занимал вопрос, "должна ли Россия, по словам А.И. Герцена, пройти всеми фазами европейского развития, или ее жизнь пойдет по иным законам?" Для социалистов – по Г.В. Плеханову – этот вопрос стоял так: "должна" или "не должна" Россия пройти через "школу" капитализма [19, с. 94, 98] по пути к социализму?

Революционная молодежь с 1880-х годов начала отходить от идей и дела народничества, хотя часть ее продолжала надеяться на крестьянско-общинный социализм, минуя капитализм**. У истоков пропаганды марксизма в России и встала группа бывших народников "Освобождение труда" во главе с Г.В. Плехановым – наиболее крупным "классическим" марксистом на российской почве***.

Либералы же уповали на естественный ход развития капитализма и многие с

* Это неоднократно отмечал и сам Маркс (см. например, [1, т. 23, с. 19–21; т. 34, с. 380]).

** Сходные надежды некоторое время питали также К. Маркс и Ф. Энгельс [1, т. 35, с. 137].

*** В.И. Ленин считал его своим учителем [20, с. 502], признавая также огромное влияние своего старшего брата народовольца Александра Ульянова [20, с. 499].

увлечением вместе с революционерами изучали марксизм, образовав целое течение "легального" (или критического) марксизма. Позже, в 1905 г. пожары Пресни и помещичьих усадеб высветили перед ними такие стороны народной революции, что представители этой блестящей плеяды экономистов и философов – М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк – переместились на совершенно иные позиции в науке, политике и идеологии*. Но в конце XIX в. и они входили в ту интеллектуальную среду, в которой зарождалось новое течение марксизма-ленинизма. Оно сформировалось сначала в российском, а затем и в международном революционном движении в острой борьбе с "традиционным", социал-демократическим направлением марксизма. Обе стороны опирались на Маркса, но по-разному.

Ярый противник В.И. Ленина П.Б. Аксельрод рассказывал о своих первых личных впечатлениях 1895 г. о молодом, 25-летнем Ульянове: "Я тогда почувствовал, что имею дело с человеком, который будет вождем русской революции. Он не только был образованным марксистом, – таких было очень много, – но он знал, что он хочет делать и как это надо сделать" [21, с. 3].

Само понятие "образованный марксист", весьма распространенное в их среде, не означало, что данный человек овладел всем богатством общественной мысли. Это значило лишь, что он хорошо изучил тексты "первоисточников" – труды Маркса, Энгельса (затем и Ленина, Сталина, в других компартиях еще и Мао Цзедуня или Троцкого), а также знаком с партийно-идеологическими дискуссиями. Наиболее "образованные марксисты" читали еще Гегеля, Смита и Рикардо, может быть Сен-Симона и Фурье. Остальной мир обществоведения воспринимался ими лишь сквозь призму "первоисточников" и последних "партийных документов".

Ленин был, безусловно, образованным марксистом. Для активного политика он прочел немало, хоть и отрывочно, немарксистской научной литературы, а до революции вел и самостоятельные исследования по развитию капитализма в России. Но главное – Ленин всегда рассматривал научные результаты как служебный инструмент идеологической и политической практики, текущим интересам которой полностью подчинял их трактовку, если не манипулирование. ("Для меня всегда была важна практическая цель", – писал он в одной из последних своих работ [3, т. 45, с. 374].) Стратегический фокус этой практики оставался неизменным: в программной формулировке – социалистическая революция и диктатура пролетариата, а реально – завоевание и удержание власти ленинской партией большевиков**.

Именно в данном узловом пункте Ленин существенно пересмотрел традиционные марксистские представления об одновременной революции в группе наиболее развитых капиталистических стран с высоким уровнем культуры, где большинство населения – рабочий класс. Нет, утверждал Ленин, революция может победить, и социализм, пусть с трудностями, можно построить в одной стране – конкретно, в России, несмотря на то что пролетариат в ней составляет меньшинство населения, капитализм еще не вывел страну из отсталости и малограмотности. "Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государства" [3, т. 26, с. 354–355].

* Расставаясь с марксизмом, они написали ряд интересных работ, посвященных критическому анализу его теории, практики и эволюции в России.

** Другой вопрос: власть во имя чего? У Ленина и уничтоженной Сталиным "ленинской гвардии" большевиков в конечном счете она представлялась как средство построения счастливого коммунистического будущего для трудящихся. Но власть все более становилась самоцелью, точнее средством номенклатурного самосохранения, лишь прикрываемого социалистической идеологией. И процесс подобного перерождения начался очень рано, во всяком случае о нем говорили уже в 1919 и 1920 гг. [см., например, 22].

Для реализации этой программы нужна была партия "нового типа" (в отличие от парламентских социал-демократических партий), в которой "будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной" [3, т. 41, с. 209]. Она-то и осуществляет диктатуру пролетариата. На таких же принципах строился и Коминтерн.

Чем располагала легинская партия в России? Сама она составляла в апреле 1917 г. 80 тыс., да и в июле 1917 г. было всего лишь около 240 тыс. членов [23, с. 36]. А из 159,2 млн. человек населения страны (в 1913 г.) было: рабочих – 14,6%, служащих – 2,4%, крестьян и кустарей – 66,7%, буржуазии, помещиков, торговцев и кулаков – 16,3% [24, с. 11, 373]. Как видим, пролетариат (даже если добавить к нему половину служащих-интеллигентов и считать – с заведомым преувеличением – все эти 15,8% идущими за большевиками) был численно меньше, чем его прямые классовые противники. Судьба "пролетарской революции" зависела от позиции крестьянства.

В этом пункте очень ярко проявлялось реальное соотношение теории, идеологии и политики в марксизме-ленинизме. Так или иначе с крестьянством были связаны важнейшие, поворотные политические акции, предлагаемые и проводимые Лениным даже вопреки начальной отрицательной позиции большинства своей партии, вразрез с ее собственными прежними программными установками.

В массовых лозунгах и первых шагах большевиков до и после Октябрьского переворота ничего социалистического не было. Ленинский Декрет о земле в октябре 1917 г. заимствовал эсеровское программное положение о разделе помещичьей земли и раздаче ее крестьянам (в большевистской аграрной программе в апреле 1917 г. были только ее конфискация и национализация, поддержка общественных хозяйств, в том числе на базе помещичьих имений [25, ч. 1, с. 341–342]). Трезвое понимание Лениным-политиком крестьянских интересов и устремлений, их решающего значения для политического укоренения партии большевиков и Советской власти оказалось важнее марксистских тезисов Ленина-теоретика о неэффективности и обреченности мелкого крестьянского хозяйства*.

Акцией такого же масштаба был Брестский мир в начале 1918 г., созвучный требованиям крестьян в солдатских шинелях кончать войну. Левые же в партии большевиков считали, что она поможет разжечь пожар мировой революции и готовы были ради апофеоза классовой борьбы в угоду теоретическим представлениям поставить под смертельную угрозу недавно приобретенную ими власть.

В рассматриваемом аспекте наибольший интерес представляет введение нэпа. После взятия власти большевики принялись управлять Россией посредством "диктатуры пролетариата", т.е. опираясь, по словам В.И. Ленина, на "ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть". Этот тезис любил повторять И.В. Сталин [26, т. 8, с. 29 и др.], добавляя, что партия большевиков – это "своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность" [26, т. 5, с. 71].

Большевики – в полном соответствии с марксистским тезисом – до Октябрьского переворота, после него и во время гражданской войны полагали, говоря словами Ленина, что "все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного синдиката. ... Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы" [3, т. 33, с. 101] (см. также [3, т. 36, с. 7; т. 41, с. 310–311]).

С практической стороны большевики унаследовали от царского и Временного правительства органы государственного регулирования военной экономики и установление твердых цен на хлеб и стратегическое сырье, запрет частной торговли

* Отказ в угоду теории от раздела помещичьих земель в пользу крестьян (наряду с недооценкой национальных требований) был одной из главных причин поражения Советской власти в Прибалтике, а также в Венгрии и других странах в 1918–1919 гг.

хлебом (хлебную монополию), продразверстку и право реквизиций [27, 28]. Используя и развив эти формы, включив в них комбеды, продотряды и ликвидацию частного производства, перейдя к прямому всеобщему распределению продуктов в городах, ленинская партия осуществила политику "военного коммунизма".

Вопреки последующим утверждениям реализовывалась она не как вынужденная временная мера, а как основа будущего хозяйственного устройства страны. Ярче всего об этом свидетельствуют материалы IX съезда РКП(б), состоявшегося в марте – апреле 1920 г. и наметившего пути мирного хозяйственного строительства. Посвященный данному вопросу доклад Л.Д. Троцкого представлял собой панегирик принуждению в общественной организации труда и его милитаризации. В соответствующей резолюции съезда единство хозяйственного плана и ГОЭЛРО связывалось с мобилизацией индустриального пролетариата, всеобщей трудовой повинностью и борьбой против трудового дезертирства, с милитаризацией хозяйства и трудармиями, где применялась система уроков, при невыполнении которых понижался паек [22, с. 91–115, 404–417]. Причем эта резолюция была рассмотрена лично Лениным [22, с. 532].

Правда в начале того же 1920 г. Л.Д. Троцкий, по его словам, "основываясь на анализе состояния крестьянского хозяйства", вносил в ЦК "предложение о ряде мероприятий "нэповского" характера" [29, с. 50], но, как видим, с легкостью от них отказался во имя стратегической идейно-теоретической конструкции "единой государственной фабрики". Потребовались потрясшие страну крестьянские восстания, рабочие забастовки, Кронштадт, чтобы вопреки тогдашней теории и программе ввести нэп. Лишь в продиктованной уже во время смертельной болезни статье "О кооперации" В.И. Ленин поднял вопрос о том, что "вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм" [3, т. 45, с. 376]. Соответствующую ей теоретическую базу и практическую программу пытался построить Н.И. Бухарин [см., например, 30]. В частности, он выступал против троцкистского "закона первоначального социалистического накопления" за счет эксплуатации мелкобуржуазных элементов (читай – крестьянства), сформулированного его бывшим соавтором по знаменитой "Азбуке коммунизма" Е.А. Преображенским.

В крайней форме этот "закон" и был реализован сталинской коллективизацией крестьянства. Она послужила основой претворения в жизнь теоретической схемы "единой государственной фабрики", более того – модели "милитаризованного социализма", начертанной IX съездом РКП(б) в 1920 г. Об этом свидетельствует и "ликвидация кулачества как класса", а по сути – насильственное раскрестьянивание, минимум трудодней для колхозников, привязанных к месту отсутствием у них паспортов, указ о "колосках" (знаменитый закон от 7.VIII.1932 г.) и указы 1940 г. о репрессиях против опоздавших и "прогульчиков" на производстве. Логическим завершением подобных процессов явилось "повышение колхозной собственности до уровня общенародной", включая замену товарообращения прямым продуктообменом, что и планировал Сталин в последние годы жизни [31, с. 87–94].

Интересно отметить, что когда ситуация в сельском и народном хозяйстве становилась катастрофической, теория и идеология уступали место прагматическим мерам большевиков по некоторому ослаблению и частичному оживлению крестьянской и заводской инициативы (нэп, маленковско-хрущевские меры 1953–1954 гг. и брежневские 1965–1966 гг.). Но как только положение несколько выправлялось, опять на первый план выступала теория и идеология "единой государственной фабрики", поскольку она наиболее адекватна практике номенклатурной иерархии. Так, тот же Н.С. Хрущев, борющийся с последствиями культа личности Сталина, в декабре 1958 г. начал распространять "опыт" колхоза своего родного села Калиновка – продавать артели коров с личных подворий, "а необходимое количество молока получать на трудодни или покупать в колхозе" [32, с. 71], т.е. опять "подтягивать" деревню к фабрике. Это имело, кстати, самые тяжелые последствия.

Теоретические основы дооктябрьской ленинской модели базировались на марксовом

тезисе о социализме – "союзе свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно (selbstbewusst) расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу" [1, т. 23, с. 88]. И даже китайский марксист-ленинец Мао Цзедун, начавший как крестьянский революционер и предлагавший "окружить город деревней" [33, т. 4, с. 333], в конце концов пришел к "большому скачку" и коммуна, т.е. к тому же милитаризованному труду, где люди – одна общественная рабочая сила.

Так сходились к общему знаменателю европейский по происхождению марксизм, российский ленинизм и его ответвления, китайский маоизм. В идеологию рабоче-крестьянских масс марксизм в первую очередь вносил теоретическое оправдание давних социалистических и коммунистических идеалов: царства труда, общности собственности. В России это сливалось с общинно-уравнительными традициями, с надеждами на верховную власть. Существенной была экспроприация экспроприаторов, переведенная как "грабь награбленное"*.

* * *

Мы рассмотрели лишь отдельные фрагменты большой и сложной темы – о соотношении влиятельного социального течения XIX – XX вв. с наукой, политикой и идеологией. Конечно, это тема не одной журнальной статьи, а многих монографий. Ее актуальность не снята с крахом "развитого социализма" в СССР и других странах. Она определяется жизнеспособностью социальных и идеологических корней марксизма и его многообразных ответвлений. Ведь даже во многих развитых государствах Европы политический маятник периодически колеблется между программами либерально-консервативного и социал-демократического типа. Подобное – но с гораздо большей амплитудой – может стать характерным для посткоммунистических стран. (В России, да и во многих других государствах, этот процесс усугубляет идеологизированность и политическая зашоренность значительной части интеллигенции, независимо от ее направления усиленные коммунистическим режимом.) Здесь в политике еще долгое время большую роль будут играть программы и лозунги марксистского толка, несмотря на их очевидное поражение в следовавшей им практике всего лагеря "реального социализма", причем лейтмотивом станет призыв к нравственной справедливости против либерального неравенства в доходах.

На примере отношения к крестьянству мы попытались показать изменения в политике марксистов-ленинцев. Как правило, они вызваны потребностями практики, завоевания и укрепления собственной власти. Именно эти политические потребности первичны, именно их "обслуживает" (любимое сталинское слово) теория и идеология. Однако сводить дело к одной лишь апологетике вряд ли правомерно. На заре марксизма типичным было движение от теории через идеологию к политической программе. Даже большевикам вначале уже сильно идеологизированное и ревизованное учение указывало путь, давало стратегические ориентиры формирования политики, хотя и приводило порой к кризисным результатам. Затем их соотношение стало меняться и очень скоро идеология и реальная политика вышли на передний план.

Марксизм в его ленинской трактовке был практически опробован в странах с преобладанием крестьянства (Россия, Китай и др.). В большинстве случаев, в частности в промышленно более развитых ГДР и Чехословакии, его утверждали с помощью советских танков. Пришедшие к власти компартии немало говорили о

* По свидетельству Л.Д. Троцкого, В.И. Ленин признался ему в своем авторстве этих слов [34, с. 213], хотя комментатор, ссылаясь на Н.К. Крупскую, считает автором лозунга другого партийного публициста [там же, с. 425].

своеобразии каждой страны в применении общей теории. В действительности теория "государственного социализма", централизованной диктатуры пролетариата неизменно приводила к тоталитаризму, принудительному труду, подавлению человеческой инициативы. Такой режим мог мобилизовать ресурсы на решение "ударных" задач, особенно военно-политического характера, но "высшую производительность труда", во что верили все марксисты, он был не способен обеспечить.

Сама теория все более "схлопывалась" воедино с идеологией и политикой. Ведь марксистско-ленинская теория в своем исходном пункте – "общественной собственности на средства производства", соединенной с "диктатурой пролетариата" или его ведущей ролью в "общенародном государстве", по сути обосновывала централизм управления ею единственной "пролетарской партией", а на самом деле правящей бюрократической элитой (для краткости пропустим промежуточные логические звенья). И вот здесь-то теория становилась универсально применимой и сливалась с политикой и идеологией (см. об этом, например, в [35]). Далее вопрос состоял лишь в тактических методах, формах и этапах применения этого конгломерата, выступающего в зависимости от злобы дня то одной, то другой своей стороной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.т. 1–52. М.: Госполитиздат, 1954–1977.
2. Из переписки Ф. Энгельса и П. Лафаргом // *Вопр. экономики*. 1962. № 12.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений*. 5-е изд. Т.т. 1–55. М.: Политиздат, 1958–1965.
4. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1986.
5. Майминс Е.Э. Социально-экономический генотип общества // *Постижение*. М.: Прогресс, 1989.
6. Sorokin P. *Social and Cultural Dynamics*. Sargent: Boston, 1957.
7. Hornby A.S. *Oxford Student's Dictionary of Current English*. Moscow – Oxford, 1984.
8. Hayek F.A. *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*. Chicago: Univ. Chicago Press, 1985.
9. Maiminas J. *Teorijos ir tikrove*. Vilnius: Mintis, 1960.
10. Кейнс Дж.М. *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Прогресс, 1978.
11. Schaff A. *Marksizm a jednostka ludzka*. Warszawa: PWN, 1965.
12. Маркс К. *Экономическо-философские рукописи 1844 года* // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956.
13. Бухарин Н.И. *Политическая экономия рантье*. М.: Орбита, 1988 (репринтное воспроизведение издания 1925 г.).
14. Туган-Барановский М.И. *Основы политической экономии*. СПб: Право, 1911.
15. Фостер У. *История трех Интернационалов*. М.: Госполитиздат, 1959.
16. Блюмин И.Г. *Критика буржуазной политической экономии*. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
17. Меринг Ф. *Карл Маркс. История его жизни*. М.: Госполитиздат, 1957.
18. *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*. V. 1–4. London: Macmillan, 1987.
19. Плеханов Г.В. *Социализм и политическая борьба. Наши разногласия*. М.: ОГИЗ, 1939.
20. Ульянова-Елизарова А.И. *Ленин. Деятели СССР и Октябрьской революции* // *Энциклопедический словарь Гранат*. М.: Сов. энциклопедия, 1989.
21. Радек К.Б. Ленин / Лениниана: "неизвестные" страницы // *Огонек*. 1989. № 17.
22. *Девятый съезд РКП(б). Протоколы*. М.: Госполитиздат, 1960.
23. *Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы*. М.: Госполитиздат, 1958.
24. *Народное хозяйство СССР за 70 лет*. М.: Финансы и статистика, 1987.
25. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1960*. 7-е изд-е. М.: Госполитиздат, 1954–1960.

* Это официальное, изданное по решению ЦК КПСС, "полное собрание" далеко не полно (в нем нет более двух тысяч ленинских текстов, много сокращений), что само по себе является яркой иллюстрацией к данной статье: ленинская партия подвергает цензуре своего основателя.

26. *Сталин И.В.* Сочинения. Т.т. 1–13. М.: Госполитиздат, 1953.
27. *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991.
28. *Мау В.А.* Реформы и догмы. 1914–1929. М.: Дело, 1993.
29. *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификации. М.: Наука, 1990.
30. *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988.
31. *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952.
32. *Хрущев Н.С.* Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1958 года. М.: Госполитиздат, 1958.
33. *Мао Цзедун.* Избранные произведения Т.т. 1–4. М.: Изд-во иностр. лит., 1953.
34. *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М.: Политиздат, 1991.
35. *Sutela P.* Socialism, Planning and Optimality. Helsinki: SSF, 1984.

Поступила в редакцию
13 IV 1994